

Дмитрій Траменицкій

**МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
ЧЕВАЛКОВЪ**

С. Петербургъ
1869 г.

МИХАИЛЬ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЧЕВАЛКОВЪ.

нородецъ Михаилъ Васильевичъ Чевалковъ, обращенный ко Христу незабвеннымъ начальникомъ и основателемъ алтайской миссіи, о. архимандритомъ Макаріемъ, — не занималъ никогда высокаго общественнаго положенія. Жизнь его проходила тихо. Онъ не выдавался изъ среды окружавшихъ его людей дѣлами, которые выходили бы изъ ряда обыкновенныхъ. Тѣмъ не менѣе личность его, даровитая отъ природы, возвышенная и очищенная благодатнымъ дѣйствіемъ ученія Христова, невольно должна останавливать на себѣ вниманіе; его неустанная, безкорыстная дѣятельность для обращенія къ христіанству своихъ единоплеменниковъ можетъ служить примѣромъ, достойнымъ подражанія. Наконецъ его сотрудничество алтайской миссіи настолько важно, настолько полезно, что не передать его въ извѣстность было бы излишней и едва ли полезной скромностью.

Въ 1867 году мнѣ привелось быть въ Улалѣ, главномъ станѣ алтайской миссіи. Здѣсь я лично узналъ Михаила Васильевича, который уже прежде былъ мнѣ извѣстенъ по слухамъ. Михаилъ Васильевичъ охотно всеѣмъ рассказывалъ разныя событія изъ своей жизни. Слышанный мною отъ него самаго рассказъ будетъ составлять основу настоящаго повѣствованія, которое я буду дополнять подробностями изъ его же письма къ В. В. Радлову, написаннаго на татарскомъ языкѣ, и помѣщеннаго въ изданномъ имъ по опредѣленію академіи

наукъ сборникѣ: «*Нарѣчія тюркскихъ племенъ, живущихъ въ южной Сибири и Дзунгарской степи*» (отд. 1-е: образцы народной литературы, ч. 1, стр. 113—159. С. Петербургъ, 1866 г.).

Михаилъ Васильевичъ Чевалковъ, по своему происхожденію, принадлежитъ къ татарскому племени *телеутовъ*, — одному изъ сильнѣйшихъ между племенами, занимающими сѣверо-западные склоны Алтая. Имѣя сосѣдями на западѣ киргизовъ, на востокѣ монголовъ, телеуты много терпѣли отъ тѣхъ и другихъ, заставлены были перекочевать изъ долины Иртыша къ сѣверу, и, чтобъ имѣть сильнаго покровителя, рѣшились платить дань бѣлому Царю. Имя предка Чевалкова, жившаго въ это время, и называвшагося Чоболокъ, сохранено его потомками въ родовомъ прозвищѣ Чевалковыхъ. Отецъ Чевалкова не имѣлъ постоянной осѣдлости, кочевалъ съ мѣста на мѣсто. Такъ сначала онъ жилъ около Бачата,¹ куда телеуты отѣснены были враждовавшими съ ними племенами, и гдѣ приняли русское подданство. Затѣмъ, по свойственному всѣмъ сибирскимъ татарамъ стремленію къ югу, перекочевалъ къ Кара-су, мѣстность въ 30-ти верстахъ отъ Бійска. Въ этой мѣстности родился Михаилъ Васильевичъ Чевалковъ, и получилъ при рожденіи русское имя Кипріанъ.

«Не изслѣдывалъ я высоты неба, не измѣрялъ я широты земли», писалъ Михаилъ Васильевичъ къ В. В. Радлову; «съ тѣхъ поръ, какъ мать родила меня, прошло 40 лѣтъ, и эти годы пробѣжали для меня какъ одинъ день. Что испыталъ я въ эти годы горькаго, что вкусилъ сладкаго, что дѣлалъ со слезами, что съ радостью, — все это унеслось отъ меня какъ по водѣ, и исчезло изъ глазъ моихъ; только слѣдъ всего пережитаго за это время, какъ восковой отпечатокъ, остался въ моемъ сердцѣ».

Въ то время на Алтай еще не существовало миссія. Татары около-алтайскіе хотя имѣли сношенія съ сосѣдями рус-

¹ Большое село по дорогѣ изъ Томска въ Кузнецкъ.

скими, усвоивали нѣчто изъ русскаго быта, носили даже иногда русскія имена, однакожь тѣмъ не менѣе оставались язычниками, не мѣняли кочеваго образа жизни. Но уже приближалось время просвѣщенія Алтая свѣтомъ христіанства. Знакомство съ русскими приготавлило къ христіанству, вызывало добрую настроенность въ инородцахъ. По одному уже поверхностному знакомству съ вѣрой во Христа они начали догадываться о недостаточности своихъ темныхъ вѣрованій. Нужно было только явиться проповѣднику съ простымъ, теплымъ, живымъ словомъ Евангелія, чтобъ благовѣствованіе стало силой Божіей, покоряющей сердца людей.

Михаилу Васильевичу Чевалкову было 7 лѣтъ, когда отецъ его перекочевалъ на рѣчку Улалу. Здѣсь, между рѣками Катунью и Біей, горы, съ округленными, мягкими формами, покрытыя густой, высокою травой, а мѣстами лѣсомъ, очень живописны. По долинамъ, около рѣчекъ, находятся прекрасныя пастбища. Въ лѣсахъ обиліе кедровъ съ орѣхами, часто составляющими главную пищу мѣстныхъ инородцевъ, дикихъ пчелъ, добываніе меда которыхъ составляетъ важный промыселъ. Охота за звѣрями, шкурами которыхъ инородцы платили ясакъ, здѣсь давала много выгодъ. Разнообразная горная растительность давала въ изобиліи какъ лѣкарственныя травы, такъ и коренья, употребляемыя въ пищу. Однимъ словомъ въ Улалѣ было все необходимое, всѣ удобства для кочевника.

Почти въ одно время съ Чевалковыми поселилась въ Улалѣ мѣщанка изъ Бійска, съ своими дѣтьми, изъ которыхъ младшій сынъ назывался Іаковомъ. Съ этимъ Іаковомъ подружился мальчикъ, въ то время Кипріанъ Чевалковъ, и сталъ учиться у него русскому языку. Часто дѣти играли вмѣстѣ, часто Кипріанъ бывалъ въ домѣ Іакова, и пытливо замѣчалъ все, что и какъ тамъ дѣлается. «Когда Іаковъ», рассказывалъ Михаилъ Васильевичъ Чевалковъ, «въ своемъ домѣ хотѣлъ чтонибудь ѣсть, то молился; и когда, поѣвши, вставалъ изъ за стола, то опять также молился. Такъ какъ для меня это было странно, то я спросилъ Іакова:

«Зачѣмъ ты кланяешься предъ тѣмъ какъ хочешь ѣсть, и послѣ?»

— «Прежде чѣмъ стану ѣсть, сказалъ онъ, я молюсь потому, что прошу благословенія у Господа, а поѣвши, приношу Богу благодарность».

«Когда я видѣлъ и слышалъ объ этихъ угодныхъ Богу дѣйствіяхъ, то говорилъ себѣ въ сердцѣ своемъ: когда хочешь ѣсть, ты не просишь благословенія у Господа, а поѣвши, не приносишь благодарности; поступаешь ты какъ собака, встаешь, уходишь, не почтивъ Бога, который даетъ тебѣ ѣсть. И моя собственная вѣра представлялась мнѣ презрѣнной».

«Когда опять, въ одинъ день, я игралъ съ Іаковомъ, мы лежали на травѣ и рассматривали голубое, глубокое небо. Тогда я спросилъ Іакова: Что же тамъ, на небѣ?»

— «Тамъ Богъ, сказалъ Іаковъ».

«Какъ называется этотъ Богъ? спросилъ я».

— «Иисусъ Христосъ, отвѣчалъ Іаковъ. Онъ сотворилъ все, что находится на землѣ, всѣхъ людей, всякій скотъ, дикихъ звѣрей, птицъ. Все это Онъ сотворилъ въ 6 дней. Теперь Онъ находится на небѣ».

«Этотъ Богъ видитъ ли насъ оттуда? спросилъ я».

— «Этотъ Богъ видитъ всѣхъ съ неба, и днемъ и ночью. Онъ знаетъ все, что мы ни дѣлаемъ. Людей, которые Ему молятся, Онъ любитъ; а тѣхъ, которые не молятся, Онъ не любитъ».

«А что Онъ сдѣлаетъ людямъ, которыхъ не любитъ? спросилъ я».

«Іаковъ сказалъ:—Я слышалъ отъ матери моей, что людей, которыхъ не любитъ, Онъ столкнетъ въ адъ».

Такия рѣчи о Богѣ глубоко западали въ воспримчивую душу мальчика Кипріана. Онъ видимо, все больше и больше сталъ отвращаться отъ вѣры, или правильнѣе слѣпыхъ суевѣрій своего племени. Внутри его начался сильный разладъ. Въ неопытной, несвѣдущей душѣ десятилѣтняго мальчика происходила борьба, въ которой чистота и святость христіанства

одерживали видимую побѣду надъ тьмой язычества. Такъ божественныя истины составляютъ достояніе непорочнаго сердца, и часто остаются непостижимыми для ума глубокаго, образованнаго. Кипріанъ презиралъ шаманство. Когда отецъ и мать его призывали *кама* (жреца) для совершенія жертвенныхъ обрядовъ — что дѣлается по случаю болѣзни, неудачъ и т. п., Кипріанъ держался, сколько можно, въ сторонѣ, и если при этомъ присутствовалъ кто нибудь изъ русскихъ, то онъ очень стыдился и за себя, и за родителей. Когда же отецъ посылалъ на луга пасти скотъ, то онъ всходилъ на гору, называемую Утту-Кайя, и молился Богу. Просты были слова его молитвы, но легко возносился духъ его, горячо и неотступно просилъ онъ объ одномъ: «Господи Іисусе Христе! не отгони меня, прими меня къ Себѣ!» И услышана была молитва его, и не осталась безъ отвѣта. Господь призывалъ его къ Себѣ. — Будемъ рассказывать его собственными словами.

«Когда однажды я пришелъ къ другу моему Іакову, и сидѣлъ въ его домѣ, вошелъ къ нимъ человѣкъ въ черной одеждѣ. Посмотрѣвъ на него, я испугался и хотѣлъ убѣжать. Но онъ удержалъ меня, посадилъ рядомъ съ собой, и далъ кусокъ пирога. Я сидѣлъ, и не зналъ — ѣсть мнѣ пирогъ или не ѣсть. Тогда онъ, склонивъ ко мнѣ голову, спросилъ: — какъ тебя зовутъ?»

— «Кипріанъ, отвѣчалъ я.

«Хорошо, сказалъ онъ. Слушай, я расскажу тебѣ исторію. Однажды былъ великій *камъ*, по имени Кипріанъ¹. Онъ ходилъ по горамъ и выучился языку *кѣрмеса* (злой духъ) и его темной наукѣ. Выучившись, онъ сталъ дѣлать все, что хотѣлъ. Въ томъ же мѣстѣ жила одна христіанская дѣвушка, по имени Устинія. Ее камъ никакъ не могъ побѣдить своей волшебной наукой. Онъ пошелъ спросить объ этомъ у посланниковъ кѣрмеса. Тѣ сказали: мы боимся Бога ея, не можемъ

¹ Считаемо неизлишнимъ пояснить, что подъ именемъ *кама* Кипріана о. архимандритъ Макарій разумѣлъ священномученика Кипріана, епископа кареагенскаго, память котораго совершается 2-го октября.

не только приблизиться къ ней самой, но даже остаемся вдали отъ ея дома. Тогда камъ спросилъ Устинію: Кто этотъ Богъ, въ котораго ты вѣруешь? Устинія наставила Кипріана въ ученіи Іисуса Христа. Камъ ушелъ и крестился. Послѣ крещенія онъ сталъ великимъ священникомъ, и силой Божіей творилъ многія чудеса. А послѣ смерти своей онъ продолжалъ жить въ вѣчности, въ свѣтломъ царствѣ Божіемъ».

«Выслушавъ разсказъ, я спросилъ его: что ты за человѣкъ, и какъ тебя зовутъ?—Онъ отвѣчалъ мнѣ съ улыбкой: я священникъ (абысь), и мое имя Макарій. Ты крестись и будешь дитя Божіе. Некрещенные люди не войдутъ въ царство Божіе и вѣчно будутъ съ кѣрмесомъ, будутъ мучиться въ аду, въ огнѣ».

Послѣ этого событія Кипріану не разъ приходилось бесѣдовать съ о. Макаріемъ. Многому училъ его о. Макарій; съ жадностью слушалъ Кипріанъ его разсказы о томъ, что сдѣлаетъ Богъ съ вѣрными и невѣрными. Въ душѣ его сильнѣе и сильнѣе разгаралось желаніе креститься; онъ почти готовъ былъ сдѣлать это, но отецъ его оставался язычникомъ. Въ это же время случились два важныя событія въ жизни Кипріана: онъ лишился своей любимой, доброй матери, и вскорѣ затѣмъ отецъ выбралъ для него жену. «По смерти моей доброй матери», говорилъ Михайлъ Васильевичъ, «мало было для меня улыбокъ, за то глаза мои были полны слезъ».—Къ этому времени свѣтъ Христовъ разогналъ тьму язычества, благотворно разлился въ сердцахъ простодушныхъ улалинцевъ; они стали креститься. Остались некрещенными два семейства, и одно изъ нихъ было семейство Чевалковыхъ. О. Макарій сказалъ имъ: «новые христіане огорчаются, что вы, живя среди ихъ, остаетесь язычниками, призываете камовъ. Если вы не хотите креститься, то лучше удалитесь отсюда, идите въ свою землю». И на третій день послѣ того, какъ къ Кипріану привели его жену, отецъ послалъ его съ тестемъ въ Бачатъ. «Когда я переѣзжалъ», говорилъ Михайлъ Васильевичъ, «то думалъ: не боюсь я Бога, Отца небеснаго, а боюсь отца здѣсь,

на землѣ. Отчего я не крещусь, переѣзжаю въ Бачать, не остаюсь въ Улалѣ?»

Но и здѣсь, вдали отъ Улалы, впечатлѣнія вѣры Христовой продолжали глубоко западать въ душу Кипріана. Призывая его къ Себѣ, Господь не оставлялъ его и здѣсь, голосъ благодати проникалъ, стучалъ въ двери сердца его. «Весною того года, въ который я пришелъ въ Бачать», рассказывалъ Михаилъ Васильевичъ, въ одинъ день я сидѣлъ, погружившись въ свои мысли. Въ это время пришелъ ко мнѣ одинъ человѣкъ и сказалъ: завтра въ Бачатѣ будетъ совершаться богослуженіе угоднику Божию, святому Николаю. Не пойдешь ли ты туда посмотрѣть?»¹ — На утро я отправился въ Бачать, и, вошедши въ церковь, сталъ у дверей. Когда я слушалъ пѣніе божественныхъ пѣсней, сердце мое наполнилось умилениемъ, и на душѣ стало отрадно. Но когда я возвратился домой, въ мои мысли вошло смущеніе, и глубоко растроганный, я говорилъ самъ себѣ: — зачѣмъ не переходишь ты въ вѣру, въ которой поются такія хорошія пѣсни? Зачѣмъ оставилъ ты землю, въ которой выросъ, зачѣмъ пришелъ сюда?»

Такъ внѣ христіанства не было для Кипріана родины; міръ Божій терялъ въ его глазахъ красоту свою. Въ жизни онъ видѣлъ только темное, только печаль и слезы. А тамъ, въ Улалѣ, такъ свѣтло, такъ отрадно; тамъ люди, къ которымъ мальчикъ привязался всей душой; тамъ о. Макарій, бесѣды котораго вызываютъ въ душѣ такія сладкія ощущенія, тамъ живутъ люди, которые знаютъ и молятся Богу, и этотъ Богъ любитъ ихъ, дѣлаетъ для нихъ всякое добро, не требуя Себѣ никакихъ жертвъ. — Черезъ нѣсколько времени пришелъ изъ Улалы въ Бачать отецъ Кипріана. «Когда я увидѣлъ своего отца», рассказывалъ Михаилъ Васильевичъ, «то началъ плакать. — Что ты плачешь, дитя мое? спросилъ отецъ».

¹ Изъ хода разсказа видно, что приглашавшій Кипріана, инородецъ, какъ и самъ Кипріанъ, были тогда еще не крещены. То, что они съ такой охотой шли въ церковь, объясняется тѣмъ почтеніемъ, какимъ пользуется святитель Николай у всѣхъ татаръ. Точно также киргизы почитаютъ въ Семипалатинскѣ Абалацкую икону Божіей Матери, приносятъ свѣчи и служатъ даже молебны.

— «Ты пришелъ, чтобъ жить здѣсь, отвѣчалъ я. Я возвращусь въ Улалу, крещусь и стану жить тамъ.

«Когда отецъ увидѣлъ, что я плачу, и на его глазахъ навернулись слезы. Черезъ недѣлю мы вернулись въ Улалу, и осенью перешли въ христіанство. Мой отецъ получилъ имя Василія, меня назвали Михаиломъ, жену мою — Александрой».

Принявъ крещеніе, Михаилъ Васильевичъ не хотѣлъ остаться только съ именемъ христіанина; въ немъ явилась ревность полнѣе узнать спасительное ученіе Христа. Онъ видѣлъ, что самое лучшее для этого выучиться читать, и изъ книгъ узнавать божественныя истины. Но, къ его огорченію, отецъ не позволялъ ему учиться, чтобъ не отвлекаться отъ хозяйственныхъ занятій. «Видя, какъ младшій братъ мой училъ св. Писаніе, узнавалъ изъ слова Божія все, что хорошо, что худо, я очень смущался. Я долженъ былъ проводить свою жизнь, какъ самый худшій изъ людей. — «Господи мой, Іисусе Христе! да будетъ воля Твоя! Если Тебѣ угодно, чтобъ я научился читать, то просвѣти меня!» — Такъ говорилъ я въ сердцѣ своемъ». — Чобъ чему нибудь научиться, Михаилъ Васильевичъ сколько возможно часто началъ посѣщать о. Макарія, какъ только былъ свободенъ отъ хозяйственныхъ занятій. Съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ онъ объясненія слова Божія, и слова о. Макарія казались ему, по его словамъ, слаще меда, и напечатлѣвались въ сердцѣ, такъ что онъ былъ какъ пчела, которая, найдя на мѣстѣ готовый медъ, всегда посѣщаетъ это мѣсто. Нерѣдко случалось ему замедлить у о. Макарія, и когда онъ поздно возвращался домой, отецъ спрашивалъ: — куда это ты все ходишь? Получивъ отвѣтъ, что онъ ходитъ къ о. Макарію, что у него сильное желаніе выучиться читать и писать, что онъ обращался съ просьбой объ этомъ къ писцамъ о. Макарія, но тѣ сказали ему, чтобъ онъ приходилъ учиться днемъ, отецъ сердился, бранилъ его. — «Довольно и того, что младшій братъ учится. Ты знай свою работу. Учатся только люди лѣнныя, которымъ работать не хочется. И то ужъ надъ тобой смѣютъ

ся. Мнѣ въ глаза ужь говорятъ, что я приучаю сына своего къ лѣности, отпуская его къ *абысу* (священнику). Но, не смотря на такое мнѣніе отца объ ученїи, въ Михайлѣ Васильевичѣ все больше и больше разгоралось желаніе учиться. Онъ обратился къ меньшему брату Адріану, который ходилъ въ училище. Онъ заставлялъ Адріана приносить съ собой букварь. Онъ хотѣлъ учиться у брата; но, по мнѣнію отца, это было бездѣлье. Тогда онъ бралъ какую-нибудь работу, и, занимаясь ею, учился съ голоса младшаго брата по слуху, какъ учать пѣсни. Но въ книгу заглядывать ему почти никогда не приходилось, отчего выходило то, что онъ хорошо заучилъ наизусть весь алфавитъ и склады до трехбуквенныхъ, и все таки въ книгѣ не могъ различить ни одной буквы.

«Однажды», рассказывалъ Михайлѣ Васильевичъ, десятникъ потребовалъ отъ меня подводу, чтобъ отвезть о. Макарію въ Майму — селеніе въ 8 верстахъ отъ Улалы, ближе къ Бійску. Я запрягъ двухъ лошадей, и отправился къ о. Макарію. Когда я вошелъ, онъ связывалъ до 30 букварей. Тогда я попросилъ у него одинъ изъ этихъ букварей. Онъ засмѣялся, и, подошедши ко мнѣ, сказалъ:

— «У тебя жена и дѣти, найдешь ли ты время учиться?

«Выучусь, если Богъ просвѣтитъ, отвѣчалъ я.

«О. Макарій взялъ одинъ букварь, подошелъ ко мнѣ и сказалъ съ улыбкой:

— «Если ты знаешь изъ алфавита три буквы, то я дамъ тебѣ букварь съ моимъ благословеніемъ; если же не знаешь, то не дамъ».

«Тогда я взялъ букварь въ руки, и хотя не умѣлъ различать ни одной буквы, однакожь сказалъ нѣсколько названій, какъ зналъ по наслышкѣ.

«Услышавъ это, о. Макарій спросилъ: кто тебя училъ?

— «Меня никто не училъ, сказалъ я. Когда Адріанъ читалъ свой букварь, то я слушалъ и учился, занимаясь своей работой.»

«Тогда о. Макарій сказалъ:—Ты не говори: я самъ выучился. Чедовѣкъ, если ему не поможетъ Богъ, самъ ничего

не можетъ сдѣлать, ничему не можетъ научиться. Когда ты хочешь чтонибудь дѣлать, то скажи: Господи Иисусе Христе! да будетъ воля Твоя! Если Тебѣ угодно, чтобъ я началъ свою работу, то дай мнѣ свое благословеніе. Такъ проси. Если дѣло, которое ты намѣренъ предпринять, будетъ угодно Богу, то Онъ дастъ тебѣ свое благословеніе и поможетъ тебѣ; а если Онъ не поможетъ, то дѣло твое не будетъ исполнено. Когда же просишь у Бога благословенія, то проси съ вѣрой; если ты помолился, то надѣйся. Отъ Бога успѣхъ во всѣхъ дѣлахъ. Если Богъ исполнилъ твое прошеніе, то не говори въ твоёмъ сердцѣ: отъ меня самого это вышло. Когда ты думаешь, что дѣла твои ты самъ устраиваешь, то діаволь уноситъ изъ твоего сердца сѣмя добрыхъ дѣлъ, какъ птичка уноситъ съ поля пшеничныя зерна». — Такъ училъ о. Макарій новыхъ христіанъ ходить предъ Богомъ и во всѣхъ своихъ дѣлахъ испрашивать благословеніе Божіе. И слова его находили для себя добрую почву въ сердцахъ алтайскихъ обитателей; они всходили и приносили зрѣлый плодъ. Память объ о. Макаріѣ свято сохраняется на Алтаѣ; его кроткое вліяніе и теперь глубоко отражается въ безмятежныхъ, простодушныхъ алтайцахъ. Его благословеніе не оставалось бездѣйственно. Онъ далъ Михаилу Васильевичу Чевалкову букварь, далъ вмѣстѣ и свое благословеніе учиться, и тѣмъ усилилъ его ревность, обезпечилъ его успѣхъ. Получивъ букварь, Михаилъ Васильевичъ не разставался съ нимъ. Когда онъ отправлялся на лугъ пасти скотъ, то бралъ съ собой букварь и учился различать буквы, названія которыхъ онъ уже зналъ твердо. Если въ это время ктонибудь проходилъ мимо его, то онъ засовывалъ букварь за пазуху, и выжидалъ, пока тотъ удалится, а затѣмъ снова и снова углублялся въ него. Иногда показывалъ ему чтонибудь братъ, а иногда вечеромъ, когда бывалъ свободенъ, учился у учениковъ о. Макарія. Такимъ образомъ, благодаря своему неотступному желанію и непреклонной настойчивости, онъ чрезъ непродолжительное время началъ читать книги.

«Въ одинъ вачерь», разсказывалъ онъ, «я пришелъ къ о. Макарію. Благословивъ меня, о. Макарій спросилъ: — ну что же, выучилъ ли ты алфавитъ?»

— «Благодаря Бога, теперь я знаю немного читать, отвѣчалъ я.

«Тогда онъ принесъ Евангеліе и заставилъ прочитать. Когда я прочиталъ пять — шесть строкъ, онъ поднялъ глаза къ небу и сказалъ:

— «Творецъ неба и земли благословилъ тебя отъ Сіона! — и далъ мнѣ эту книгу. Затѣмъ онъ заставилъ меня сѣсть, и началъ объяснять слово Божіе. И его слова какъ свѣжая вода утоляли мою жажду; они были сладки, какъ чистый сотовый медъ. Онъ говорилъ: «— Кто терпитъ горькое, тотъ найдетъ и сладкое; кто плачетъ, тотъ будетъ обрадованъ. Не мсти никому за то, что онъ нанесъ тебѣ скорбь; не мсти никому, кто заставилъ тебя плакать; не мсти никому, кто сдѣлалъ тебѣ зло. Ради нашихъ грѣховъ Богъ сошелъ съ неба на землю, былъ пригвожденъ къ кресту, пострадалъ и умеръ. Онъ не мстилъ тѣмъ, которые распинали Его. Всегда помни, что нашъ Богъ Иисусъ Христосъ вознесъ на крестъ свое собственное тѣло и пролилъ свою собственную кровь, чтобы освободить насъ отъ вѣчнаго огня, отъ вѣчной смерти. И теперь, если человекъ потерпитъ что горькое ради Бога, то онъ, по божественному пути, придетъ къ блаженному свѣту. Богъ самъ сказалъ: возьми крестъ твой, и слѣдуй за Мною; и еще сказалъ: кто душу свою потеряетъ ради Меня, тотъ опять найдетъ ее». —

Съ евангельской простотой, и вмѣстѣ съ евангельской силой говорилъ о. Макарій. Онъ училъ, примѣняясь къ состоянію души слушателя, зная обстоятельства его жизни. Онъ видѣлъ, чего жаждетъ душа и давалъ такую пищу, которая насыщала ее, и была пріятна, какъ сладкое кушанье. Давая М. В. Чевалкову книгу Евангелія, онъ кратко объяснилъ силу его, и именно съ той стороны, которая всего ближе относилась къ настроенности души его. Местъ для каждой татарской души чувство совершенно законное; мечь составляетъ для татарина

одну изъ первѣйшихъ обязанностей; сознание этой обязанности сроднилось, проникло во все существо его. И о. Макарій говоритъ о Спасителѣ, что Онъ не мстилъ тѣмъ, которые распинали Его. Много неудачъ перенести, много препятствій преодолѣть, много огорченій испытать привелось Михаилу Васильевичу. И о. Макарій разъясняетъ, что тотъ, кто терпитъ, утѣшится, что самъ Богъ пострадалъ за людей. По истинѣ, мудрый учитель о. Макарій!

Заслушавшись о. Макарія, Михаилъ Васильевичъ поздно возвратился домой. Отецъ, по обычаю, спросилъ: куда ты ходилъ? Михаилъ Васильевичъ вынулъ изъ-за пазухи книгу, и, показавъ ее отцу, сказалъ:—я былъ у о. Макарія. Вотъ онъ далъ мнѣ эту книгу.—Ну-ка, почитай, сказалъ отецъ. Дрожа и робѣя, Михаилъ Васильевичъ прочиталъ нѣсколько изъ Евангелія. Услышавъ понятное чтеніе, отецъ смягчился, видимо остался доволенъ, и только замѣтилъ: такъ какъ теперь ты уже много знаешь, то тебѣ нѣтъ нужды отрываться отъ работы. Учись въ свободное время. «Услышавъ такія слова», говорилъ Михаилъ Васильевичъ, «я обрадовался, и на душѣ моей стало свѣтло, какъ будто бы въ темную ночь вдругъ засвѣтился огонь, или какъ въ облачный день проглянуло солнце».

Но чѣмъ больше слушалъ поученія о. Макарія Михаилъ Васильевичъ, тѣмъ сильнѣе разгаралось въ немъ желаніе еще и еще слушать, тѣмъ неотразимѣе чувствовалъ онъ потребность находиться ближе къ нему. Онъ видѣлъ, что въ о. Макаріѣ сіяетъ высшій свѣтъ, и стремился къ этому свѣту. Какъ птица собираетъ для себя зерна, такъ и онъ собиралъ въ сердцѣ своемъ слово Божіе. Во всѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ требовалось подкрѣпленіе для мужества, онъ ходилъ къ о. Макарію, и всегда находилъ то, чего искалъ. Дѣло, которое не одобрялось совѣстью, онъ не утаивалъ отъ о. Макарія, а Макарій всегда умѣлъ вызвать слезы раскаянія на его глазахъ, заставлялъ падать на колѣна и молиться Богу. Послѣ каждаго посѣщенія для Михаила Васильевича все яснѣе, оцутительнѣе дѣлалось сознание, что о. Макарій не могъ научить ничему ху-

дому, что то учение, въ которомъ онъ вразумлялъ, было какъ нельзя больше цѣлбно для души. Такъ внимательно слѣдилъ Михаилъ Васильевичъ за состояніемъ души своей, такъ тщательно онъ воспитывалъ въ себѣ внутренняго человѣка!

«Однажды», рассказывалъ Михаилъ Васильевичъ, «пришелъ я къ о. Макарію. У него засталъ я двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одного звали Іосифомъ, а другаго Павломъ. Они переводили на татарскій языкъ жизнь Іосифа. Я сидѣлъ и слушалъ, какъ они переводили. Они не знали, какъ перевести слово «ибо», и обратились ко мнѣ за объясненіемъ. И когда я сказалъ имъ требуемое слово, о. Макарій сказалъ: теперь ты чаще приходи ко мнѣ въ свободные дни; мы двое будемъ переводить жизнь Іосифа. Это хорошо будетъ и для тебя, потому что ты будешь узнавать св. Писаніе. Когда жизнь Іосифа была кончена, о. Макарій далъ мнѣ образъ св. Митрофана, и сказалъ: «ты теперь будешь у меня толмачемъ при переводѣ слова Божія». Съ этого времени я былъ 5 лѣтъ толмачемъ у о. Макарія. Мы переводили молитвы и часть новаго Завѣта. Въ эти 5 лѣтъ онъ научилъ меня многому хорошему».

Но это хорошее, которому научился Михаилъ Васильевичъ за 5 лѣтъ у о. Макарія, было прибрѣтено цѣною немалыхъ огорченій и бѣдствованій. Новыя занятія переводомъ отнимали у Михаила Васильевича время для хозяйственныхъ занятій. Отецъ бранилъ его за то, что онъ все ходитъ къ священнику и опускаетъ свои дѣла. Наконецъ отецъ отдѣлилъ его. Вотъ какъ это произошло: «Въ одинъ день, когда я собрался ѣхать за дровами», рассказывалъ Михаилъ Васильевичъ, «надѣлъ свой армякъ, отецъ спросилъ меня: куда это ты такъ срядился ѣхать? На мои слова, что я ѣду за дровами, онъ сказалъ: если хочешь рубить дрова, то руби для одного себя.— «Конечно, для себя я стану рубить дрова; развѣ ты думаешь, что для чужихъ я ѣду? Тогда отецъ уже прямо высказался: ты все ходишь къ абысу, въ твоихъ дѣлахъ нѣтъ порядку. Теперь живи на другомъ мѣстѣ, своимъ собственнымъ хозяйствомъ».— Тогда я сказалъ:—у меня нѣтъ дома, нечего ѣсть,—куда же я

пойду?—Ты молодец, сказалъ отецъ; ты самъ построишь себѣ домъ. А не построишь самъ, то священникъ тебѣ построитъ». — Со мной было, какъ будто на меня лили горячую воду; я не могъ сказать отцу ни одного слова и плакалъ. — «Что же ты сидишь да плачешь? говорилъ отецъ. Иди, и нынѣ же ищи себѣ мѣсто для жилья». — У меня ничего нѣтъ; съ чѣмъ пойду я на новое жилье? сказалъ я. — «Я заплатилъ за тебя калымъ, сказалъ отецъ. Теперь что я могу тебѣ дать? развѣ эту изношенную шубу? можетъ быть пригодится тебѣ одѣваться зимой». И съ этими словами бросилъ онъ мнѣ шубу. Я поднялъ шубу, отдалъ ее отцу, и сказалъ: «— Эта шуба не будетъ для меня домою, не будетъ кормить меня, возьми ее назадъ. Лучше вмѣсто ея дай мнѣ свое благословеніе». Отецъ тогда самъ началъ плакать, и благословилъ меня образомъ Спасителя. Послѣ того я отправился къ тестю своему, попросилъ у него амбаръ, чтобы прожить въ немъ лѣто, и получилъ его. — Потомъ я погрузился въ мысли, и цѣлые четыре дня плакалъ и ломалъ голову надъ вопросомъ: что я буду дѣлать? Въ это время позвалъ меня къ себѣ о. Макарій. Когда я явился къ нему, онъ спросилъ: — «Отъ чего у тебя такое печальное лицо? Что случилось?» — Я не сказалъ ему, что отдѣлился отъ отца и перешелъ жить на другое мѣсто. Посмотрѣвъ на меня, о. Макарій отошелъ, принесъ новый Завѣтъ. Мы сѣли и начали переводить. О. Макарій читалъ Завѣтъ, а я переводилъ на мой собственный языкъ. Когда такимъ образомъ мы перевели нѣсколько, о. Макарій опять спросилъ: — Что сдѣлалъ ты худаго? Не скрывай отъ меня, говори. Изъ твоего лица видно, что ты будто что-то сдѣлалъ. — Тогда у меня перехватило горло и я не могъ хорошо говорить; съ трудомъ сквозь слезы я рассказалъ, какъ отецъ отдѣлилъ меня, не давъ мнѣ ничего. Тогда отецъ Макарій всталъ съ мѣста, на которомъ сидѣлъ, и сказалъ: — Слава Богу! не плачь. Если твой земной отецъ ничего тебѣ не далъ, то дастъ тебѣ Отецъ небесный. Кто не терпитъ горькаго, тотъ не вкуситъ и сладкаго. У кого вечеромъ нечѣмъ тепло одѣться, и онъ плачетъ, тотъ обрадуется утромъ,

когда обогрѣеть его свѣтъ солнечный.» О. Макарій далъ мнѣ четыре пуда поджаренной ячменной муки, красный кредитный билетъ (10 руб.), чтобъ купить разныя хозяйственныя принадлежности; затѣмъ онъ далъ мнѣ горшки для кухни и топоръ. Наконецъ онъ купилъ для меня лошадь и жилой домъ. Во все это время я частію работалъ на себя, частію ходилъ къ о. Макарію, и переводилъ съ нимъ слово Божіе.

Немного послѣ рассказаннаго событія въ жизни Михаилъ Васильевичъ совершилось событіе, важное для всего алтайскаго населенія. Это отъѣздъ о. Макарія въ Россію, оставленіе имъ алтайской миссіи. «Въ одинъ день», рассказывалъ Михаилъ Васильевичъ, о. Макарій позвалъ меня къ себѣ. Я былъ въ это время на полѣ. Оставивъ свою работу, я тотчасъ пошелъ въ домъ о. Макарія. У него нашелъ я большое собраніе народа. О. Макарій сказалъ: — Теперь я уѣзжаю въ Россію, и оттуда не вернусь ужъ къ вамъ. Вы помолитесь за меня, грѣшника, Богу—Отцу, любящему всѣхъ насъ. Я же васъ не забуду; я буду тамъ молиться за васъ». — Когда онъ такъ говорилъ, выступили на глазахъ у него слезы. Когда мы посмотрѣли на его глаза, то не могли удержаться, и всѣ вмѣстѣ заплакали. — «Братья! не плачьте», говорилъ о. Макарій. «Мы теперь разлучаемся; но у насъ есть общій Отецъ Исусъ Христосъ, — съ Нимъ да не разлучить насъ никто. Если бъ мы съ Нимъ разлучились, то это была бы дѣйствительная скорбь. Тогда никто не услышалъ бы нашего плача, никто не утѣшилъ бы; тогда дѣйствительно жалка была бы наша участь, наше осужденіе на вѣчное скрежетаніе зубовъ. И никто не избавилъ бы насъ отъ этихъ страданій. Вы плачете оттого, что вамъ думается: вотъ я уѣду, и мы никогда больше не увидимся; но я думаю, что мы еще увидимся, увидимся въ свѣтломъ царствѣ небесномъ. — Молитесь Богу; молитесь за себя и другъ за друга. Имѣйте любовь между собою, потому что Богъ есть любовь; Онъ равно любитъ всѣхъ, — такъ и вы любите всѣхъ людей, какъ любите самихъ себя. Я думаю, что на небѣ мы опять будемъ вмѣстѣ». — Когда о. Макарій говорилъ эти слова, слезы блестѣли на глазахъ его. — «Теперь на

мое мѣсто будетъ у васъ о. Стефанъ, продолжалъ онъ. Слушайте и его также, какъ слушали и меня. Во имя Господа онъ наставитъ васъ всему доброму». — Такъ наставлялъ насъ о. Макарій предъ отъѣздомъ своимъ во всякомъ добрѣ, какъ отецъ предъ смертью дѣлаетъ завѣщаніе дѣтямъ своимъ. Онъ отправился, но мы остались, и плакали, какъ сироты, оставленные отцемъ своимъ».

Послѣ отъѣзда о. Макарія Михаилъ Васильевичъ обратился къ хозяйственнымъ занятіямъ. Много труда здѣсь предстояло ему; не имѣлъ онъ руководителя въ этого рода дѣятельности. Но съ свойственною ему настойчивостью преслѣдуя разъ заданное себѣ дѣло, онъ всегда доходилъ до желаннаго успѣха. Даже больше. Онъ успѣшно занимался такими ремеслами, для которыхъ еще не было образцовъ въ окружающей его средѣ. Алтайскіе татары всегда были народомъ кочевымъ. Но въ алтайской миссіи укоренился обычай, чтобъ какъ скоро алтаецъ приметъ христіанство, онъ оставлялъ свою юрту, перемѣнялъ кочевой образъ жизни на осѣдлый, переселялся въ домъ, построенный по русскому образцу или на собственные средства, или на средства миссіонерскія, и привыкалъ къ русскому хозяйству, такъ что здѣсь принятіе святой вѣры ведетъ за собою и улучшеніе быта. Хотя алтайцы видятъ и понимаютъ преимущества русскаго, осѣдлаго образа жизни предъ своимъ кочевымъ; но до какой степени труденъ для нихъ переходъ изъ одного въ другой — намъ трудно представить. Случалось, напримеръ, что переселившись въ русскую избу, заведя осѣдлое хозяйство, алтаецъ строилъ невдалекѣ берестовую юрту, и предпочиталъ проводить въ ней свое время привычнымъ образомъ, у огня, разложеннаго среди юрты, накинувъ овчину на свое голое тѣло. До времени миссіи соха была дѣломъ невиданнымъ на Алтаѣ. Но уже при о. Макаріѣ всѣ удобныя равнины близъ Удалы были распаханы. Начинали уже засѣваться холмы. Когда Михаилъ Васильевичъ, по отъѣздѣ о. Макарія, задумалъ заняться хлѣбопашествомъ, то съ прискорбіемъ увидалъ, что на его долю осталось распахивать горы. Къ тому же,

572437

у него была только одна лошадь, которая тѣмъ скорѣе утомлялась, что работала на склонѣ горы. Его затрудняло также не мало несовершенство плуга, употребляемаго на Алтаѣ, который хотя еще годился на мѣстахъ ровныхъ, но непримѣнимъ былъ на горахъ. Но всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства только больше возбуждали дѣятельность Михаила Васильевича. Онъ началъ съ того, что усовершенствовалъ плугъ. Ночи не спались ему отъ думы, какъ бы устроить это дѣло. Наконецъ, говорилъ онъ, плугъ ясно представился моимъ глазамъ, и я, нимало не медля, устроилъ его. Когда же я выѣхалъ пробовать мой новый плугъ, то оказалось, что было легко и мнѣ и лошади, что одинаково удобно пахалось и на равнинѣ, и на склонѣ горы. Это меня очень обрадовало. Затѣмъ онъ устроилъ мельницу, которая пошла очень хорошо. Учился ковать желѣзо, дубить кожу, плотничной работѣ, пилилъ дерево, научился прививать оспу. «Я могъ бы сдѣлаться богатымъ», говорилъ онъ, «еслибъ тому не помѣшала моя собственная измѣнчивость». Причину его измѣнчивости, почему онъ не могъ прочно остановиться на одномъ какомъ нибудь занятіи, мы уже знаемъ: это постоянное стремленіе быть ближе къ учителямъ своимъ, миссіонерамъ, желаніе глубже проникнуть въ ученіе Христово, образовать изъ себя разумнаго и дѣятельнаго христіанина. Какимъ нибудь ремесломъ, занятіемъ, онъ дорожилъ ровно настолько, насколько оно было необходимо для поддержанія его существованія. Онъ не искалъ въ жизни ни удобствъ, ни покоя; онъ искалъ только случая дѣлать угодное Богу. Поэтому, когда онъ увидѣлъ, что можетъ быть полезенъ для миссіи, для своихъ единоплеменниковъ, то ни мало не колеблясь, принялъ предложеніе о. Стефана Ландышева, который остался начальникомъ миссіи послѣ о. архимандрита Макарія, быть толмачемъ при миссіи за самое скромное вознагражденіе. Занятія его, какъ толмача, состояли въ томъ, чтобъ помогать о. Стефану въ переводѣ священныхъ книгъ, и въ наставленіи въ истинахъ вѣры, изъявившихъ желаніе принять св. крещеніе. Михаилъ Васильевичъ училъ ихъ мо-

литвамъ, разъяснялъ сущность христіанскаго ученія языкомъ вразумительнымъ. Нерѣдко въ домѣ его собирались молодые люди, и здѣсь читалось и разъяснялось святое Евангеліе. Иногда его назначали сопровождать когонибудь изъ миссіонеровъ въ поѣздкахъ къ отдаленнымъ жителямъ для проповѣди; и здѣсь дѣятельность его была весьма благотворна. «Однажды», рассказывалъ онъ, «о. Стефанъ послалъ меня съ о. Арсе-ніемъ въ кузнецкій округъ къ тамошнимъ телеутамъ и шорамъ. Переночевавъ въ дорогѣ четыре раза, прибыли мы въ одну деревню шоровъ. Я замѣтилъ, что образъ жизни находящихся въ этой деревнѣ шоровъ былъ почти такой же, какъ и русскихъ. Одежда ихъ была русская, только у женщинъ нѣсколько отличная. Въ ихъ домахъ я видѣлъ образа; но въ нѣкоторыхъ домахъ увидѣлъ я также бубны, употребляемыя камами. — Развѣ вы не крещены? спросилъ я. Вотъ я вижу у васъ въ домахъ камскіе бубны.

— «Мы крещены, отвѣчали они. Но зачѣмъ же намъ бросать своихъ камовъ, и не *камлатъ*?

«Вѣдь вы почитаете Бога по вѣрѣ русскихъ?

— «Да, почитаемъ.

«А какъ называется этотъ Богъ?

«Одни сказали:—батюшка Микола, другіе — Илія пророкъ, а иные отвѣчали, что Іисусъ Христосъ есть Богъ.

«Я сказалъ имъ: есть одинъ только Богъ, Іисусъ Христосъ; кромѣ Него нѣтъ Бога. Микола и Илія пророкъ не боги; они только были на землѣ людьми, угодными Богу, и теперь находятся въ свѣтлой землѣ Божіей. Если кто просить у нихъ помощи, то они помогаютъ ему».

«Тогда сказали нѣкоторые изъ нихъ:—хоть мы и слышали, что истинный Богъ есть Іисусъ Христосъ, но все таки не-много почитали Его».

«Послѣ того много говорилъ я имъ о св. вѣрѣ. Они молча, безъ всякаго возраженія, слушали меня. Затѣмъ я спросилъ: учатъ ли васъ священники слову Божію?

— «Они учатъ насъ молиться», отвѣчали они.

«Только этому, а больше ничему они васъ не учать?»

— «Чему же еще будутъ они учить насъ? Вѣдь мы русскаго языка совсѣмъ не понимаемъ.—Нѣкоторые изъ нихъ прибавили: — А женщины и дѣти совсѣмъ ничего не знаютъ.»

Затѣмъ Михаилъ Васильевичъ съ о. Арсеніемъ были во многихъ улусахъ, расположенныхъ по берегамъ Томи и Мрасы. Вездѣ находили они почти одно и тоже. О. Арсеній послалъ Михаила Васильевича освѣдомиться о томъ, нѣтъ ли между жителями некрещенныхъ, и если бы такіе оказались, то поручалъ ему уговаривать ихъ креститься, какъ онъ самъ знаетъ. Жители этой мѣстности, телеуты и шоры, люди бѣдные. Земледѣліемъ они не занимаются. Кругомъ ихъ далеко раскинулась чернь — неизвѣданные первобытные лѣса. Здѣсь они добываютъ кедровые орѣхи, медъ дикихъ пчелъ, охотятся за разными звѣрями, — за бѣлкой, за медвѣдемъ. Въ рѣкахъ ловятъ рыбу — тайменей, щуку, окуней, и въ изобиліи чебаковъ. На зиму запасаютъ большое количество *кандыка* — корень одной болотной травы, который часто служитъ единственнымъ питаніемъ, замѣняя собою хлѣбъ и всякія другія кушанья. Почти все татарское населеніе по Томи и Мрасѣ обращено когда-то въ христіанство, но обращено, и затѣмъ оставлено безъ всякаго духовнаго попеченія. Въ одномъ улусѣ говорили: нашихъ предковъ приходилъ обращать въ христіанство священникъ съ солдатами, крестилъ всѣхъ, и потомъ воротился назадъ; но мы, потомки этихъ крещенныхъ, находимся въ полномъ невѣдѣніи: нѣтъ у насъ учителя, отъ котораго мы узнали бы слово Божіе. Есть здѣсь священники, но они, по незнанію мѣстнаго языка, ничему не могутъ научить свою паству, и пріѣзжаютъ въ улусъ за тѣмъ только, чтобъ справить свои требы, и немедленно послѣ того удаляются. Оттого-то на вопросъ: какое имѣютъ они понятіе о Богѣ, они говорятъ, что Богъ есть батюшка Микола, или пророкъ Ілія, что хотя они и слышали, что Іисусъ Христосъ есть Богъ, однакожь, того хорошенько не знаютъ. Оттого, когда ихъ упрекали въ шаманствѣ, они говорили, что они не русскіе, чтобъ не имѣть

камовъ, что имъ не къ кому больше обратиться въ случаѣ болѣзни, или покражи, или какого нибудь несчастія. «Съ давнихъ поръ, говорили они, привыкли мы чтить нашу землю, нашу воду, наше небо, — какъ же намъ не бояться ихъ, если не станемъ приносить имъ жертвы?» Около Бачата много было и совсѣмъ некрещенныхъ. Родители не позволяли дѣтямъ креститься, и выдавали дочерей замужъ, а сыновьямъ брали женъ по своимъ прежнимъ обычаямъ. Но вопросъ: отчего крещенные родители не позволяли крестить дѣтей своихъ, отговаривались какими нибудь предлогами; когда пріѣзжалъ священникъ — отвѣчали, что хотя они и были когда-то крещены, однакожь не научились слову Божию и ученію св. вѣры, а съ другой стороны — живя среди юртъ некрещенныхъ, они опять обращались, или вѣрнѣе, никогда не оставляли своихъ языческихъ вѣрованій. Между жителями тѣхъ мѣстъ были и такіе, которые говорили: «слыхали мы отъ отца и матери, что предки наши были когда-то и вѣмъ-то крещены, но навѣрное этого не знаемъ».

Такимъ образомъ эта нива когда-то была вспахана, но не засѣяна, и, оставленная безъ всякаго призора, заросла сорными травами. Тѣмъ не менѣе это было хотя несовершеннымъ, но важнымъ подготовленіемъ, и евангельское слово скорѣе принималось жителями кузнецкаго округа, чѣмъ другихъ мѣстностей Алтая. Въ поѣздку о. Арсенія жители охотно слушали наставленія въ христіанскомъ ученіи, а некрещенные крестились иногда цѣлыми селеніями. И на этотъ разъ они вѣрно стали уже болѣе прочно принадлежать стаду Христову, потому что наставленія въ вѣрѣ, хотя краткія, дѣлаемыя въ продолженіе трехъ-четырехъ дней, давались на вразумительномъ языкѣ, въ простомъ, доступномъ для понятій дѣтскихъ, изложеніи. Всегда помня слова Апостола: *не посла мене Христосъ крестити, но благовѣстити* (1 Кор. 1, 17), миссіонеры не считали своей исключительной обязанностью совершеніе таинствъ и требъ, что, къ сожалѣнію, часто мы находимъ между приходскими священнослужителями.

Жалованье, которое получалъ Михаилъ Васильевичъ отъ

миссіи по должности толмача, было такъ мало, что даже на неприхотливомъ Алтаѣ его было недостаточно для содержанія его и его семейства. Вслѣдствіе этого, ему пришлось оставить свою службу при миссіи, и заняться какимъ нибудь промысломъ. Онъ рѣшился ѣхать на рыбную ловлю на Телецкое озеро. Много рассказывалъ Михаилъ Васильевичъ о мѣстностяхъ, по которымъ идетъ дорога къ Телецкому озеру, и о племенахъ, встрѣчающихся по этой дорогѣ. Эта мѣстность менѣе другихъ освѣщена свѣтомъ Евангелія; обитатели здѣшніе едва начинаютъ выходить изъ почти дикаго состоянія. Горы поросли здѣсь дремучимъ лѣсомъ, *чернью*, по мѣстному названію. По рѣчкамъ *Ингири* и *Кара-Копшу* кочуетъ бѣдное племя *туба*. Каждый годъ тубинцы приносятъ горѣ *Кара-Кайя*, съ которой падаетъ Ингири, въ даръ зерновой хлѣбъ. «Эта гора была нашимъ духомъ-защитникомъ, когда мы воевали съ монголами, объясняли они; а теперь она кормитъ насъ своими орѣхами, своей дичью, даетъ намъ дань для царя, — какъ же намъ не приносить ей жертвъ?» Тубинцы почти не обрабатываютъ земли; иногда въ мягкихъ мѣстахъ они расковыриваютъ землю ручными орудіями, и засѣваютъ, но жатва ихъ бываетъ ничтожна. Иногда они нанимаются работать у русскихъ, и тогда уже не выходятъ изъ долговъ; разъ нанявшись, они отдаютъ себя въ кабалу на всю почти жизнь. Они знаютъ, что русскимъ плугомъ хорошо бы обрабатывать землю, но нѣтъ между ними человѣка, который сумѣлъ бы сработать этотъ плугъ, а купить его ни одинъ не имѣетъ средствъ. Такимъ образомъ, занятія ихъ состоятъ въ томъ, что лѣтомъ они косятъ сѣно для скота, собираютъ орѣхи, когда урожай имъ; осенью ходятъ на охоту, добываютъ ясака. Въ годъ, когда бываетъ неурожай на орѣхи, а слѣдовательно и на бѣлку, они едва могутъ добыть охотой столько, чтобъ заплатить дань; оттого многіе отъ нихъ или выселяются, или уходятъ въ кабалу къ русскимъ. Крещенные тубинцы получили дома отъ миссіи; но дома эти стояли пустыми. Тубинцы построили себѣ берестовыя юрты, разложили среди нихъ

огонь, и тутъ проводили свое время. «Мы не умѣемъ жить въ русскихъ домахъ, говорили они; мы не знаемъ, какъ устроить внутренность ихъ по русски. Съ насъ довольно и такихъ юртъ изъ бересты, чтобъ курить табакъ, жарить ячмень и готовить талханъ». «Тубинцы, какъ овцы безъ пастыря», говорилъ Михаилъ Васильевичъ. «Кто у нихъ богатъ, тотъ за господина, а кто бѣденъ, тотъ какъ приговоренный, какъ рабъ, трепещущій предъ владыкой». Тубинцы ближайшимъ начальствомъ своимъ имѣютъ зайсановъ, людей богатыхъ, высококомѣрныхъ, которые судятъ ихъ не всегда безкорыстно. «Если нѣтъ въ рукѣ твоей лошадинаго повода, если нѣтъ въ кошелькѣ твоемъ денегъ, то какъ пойдешь въ зайсану, требовать у него рѣшенія? Мы боязливы, какъ зайцы, мы не можемъ говорить за себя, какъ рыбы, мы люди, не знающіе закона. Языкъ того человѣка, который убилъ чернаго соболя, или хорошаго оленя, угоденъ зайсану». Такъ говорили сами о себѣ тубинцы. Почти въ такомъ же бѣдномъ состояніи живетъ по берегамъ Біи племя *тигрешь*. Природа здѣсь еще величественнѣе; нѣкоторыя высокія горы покрыты никогда нетающимъ снѣгомъ; чернь еще болѣе темна, еще болѣе недоступна. Но и для этихъ, заброшенныхъ въ такую глушь, дѣтей природы приблизилось время просвѣщенія Евангелиемъ, время улучшенія ихъ земной жизни и упованія на святую вѣчность за гробомъ. Многія сердца уже были приготовлены къ принятію росы благодати; жатва поспѣвала, требовались добрые жнецы. «Мы заѣхали въ одну юрту на берегу Біи», рассказывалъ Михаилъ Васильевичъ. «Тамъ нашли мы человѣка съ сѣдыми волосами и трясущейся головой. Я спросилъ этого старца, сколько ему лѣтъ?

— «Девяносто семь, отвѣчалъ онъ.

«А долго ли еще ты проживешь, старинушка?

— «Ахъ, дитя мое, сказалъ онъ. Развѣ ты не видишь, я стою на краю могилы и каждый день жду себѣ смерти.

«Теперь ты ждешь себѣ смерти, сказалъ я. Куда же пойдешь ты, когда умрешь? Расскажи мнѣ, старинушка.

«Старикъ сказалъ: — «Ахъ, дитя мое! Какъ же я знаю

это? Вѣдь мы выросли и жили какъ звѣри въ полѣ. Можетъ быть вы знаете это; вы смотрите въ писанія Божіи, вы говорите съ Богомъ.

«Если я расскажу тебѣ о Божіихъ писаніяхъ, то ты повѣришь ли мнѣ?»

— «Коли Богу не вѣрять, такъ кому же вѣрять? сказалъ старикъ.

«Тогда я началъ ему говорить: — «Тотъ, кто сотворилъ небо и землю, кто сотворилъ летающихъ птицъ и бѣгающихъ звѣрей, всѣ живыя существа, всѣхъ людей, есть единый Богъ Іисусъ Христосъ; нѣтъ другаго Бога, какъ Онъ. Кто не вѣруетъ въ Него, тотъ не придетъ въ Его радостный свѣтъ. Онъ свѣтлѣе всего свѣтлаго, выше всего высокаго; Его свѣтъ никогда не затмится, Его радость никогда не кончится. Вѣрующіе въ Него будутъ жить съ Нимъ вмѣстѣ, въ Его радости и свѣтѣ.

— «И мы вѣруемъ въ Бога, сказалъ старикъ. Мы вѣруемъ также въ Азу. Мы молимся господину Алтая, князю неба, и приносимъ въ жертву имъ скоть. И высокимъ горамъ и рѣкамъ, которыя питаютъ насъ какъ матери, мы приносимъ въ даръ зерновой хлѣбъ.

«Какой же изъ вашихъ боговъ выше всѣхъ? спросилъ я.

— «Выше всѣхъ, отвѣчалъ старикъ, есть отецъ всѣхъ Пай Ульгень; послѣ него Ерликъ.

«Къ кому же изъ нихъ идутъ души ваши послѣ смерти?»

— «Къ старому Ерлику, къ отцу нашему.

«И Ерликъ не Богъ, и Ульгень не сотворилъ все видимое и невидимое. Вы молитесь горамъ и рѣкамъ, которыя не боги, а сотворены единымъ Богомъ. Вмѣсто того, чтобъ молиться этимъ горамъ и рѣкамъ, молитесь лучше самому Іисусу Христу, который сотворилъ и горы и рѣки, и благодарите Его за Его твореніе.

— «Какъ же надо Ему молиться? спросилъ старикъ.

«Молись такъ: о Господи Іисусе Христе! Ты сотворилъ и небо и землю, и все, что на нихъ находится, Ты даешь мнѣ все, что для меня необходимо. За все это благодарю Тебя!

«Старикъ молчалъ. Я сказалъ дальше:

«Еслибъ одинъ человѣкъ устроилъ для другаго домъ, снабженный необходимымъ, то кого сталъ бы благодарить человѣкъ, получившій этотъ домъ? Будетъ онъ благодарить самый домъ, или того, кто далъ ему этотъ домъ?

— «Кто же станеть приносить благодарность дому? сказалъ старикъ.

«Такъ дѣлаете вы, сказалъ я. Вы не благодарите Бога, Творца неба и земли, и приносите жертвы тому, что Онъ сотворилъ для васъ!

— «Мы живемъ, какъ скоть въ полѣ; что мы знаемъ? сказалъ старикъ.

«Когда я предложилъ ему креститься, онъ сказалъ:

— «Если ты хочешь крестить меня, то скажи прежде: зачѣмъ собственно надо креститься? Если бы некрещенный я сталъ молиться Богу такъ, какъ ты меня учишь, то я думаю, что это будетъ Ему угодно.

«Я отвѣчалъ ему:

«Самъ Богъ сказалъ: тотъ человѣкъ, который не родится снова водой и Св. Духомъ, не войдетъ въ свѣтъ Божій.

— «Какъ же человѣкъ родится въ водѣ? Объясни мнѣ это.

«Истинный Богъ, Исусъ Христосъ, за грѣхи всѣхъ людей сошелъ съ неба, вошелъ въ плоть св. Дѣвы, принялъ на себя тѣло грѣшнаго человѣка, взошелъ на крестъ, пострадалъ и умеръ за грѣхи людей, а въ третій день воскресъ, и потомъ чрезъ 40 дней вознесся на небо. Когда человѣкъ, вспоминая воскресеніе Исуса Христа послѣ трехдневной смерти, трижды погружается въ воду, то онъ снова рождается отъ воды и Св. Духа; душа его просвѣщается свѣтомъ Божиимъ, облекается во Христа. Оттого этотъ человѣкъ бываетъ какъ дитя Божіе». — Послѣ того я рассказалъ ему о грѣхопадении Адама, о рождествѣ Спасителя, о Его жизни, страданіи и воскресеніи, о послѣднемъ судѣ надъ живыми и мертвыми. Старикъ молча слушалъ, а потомъ сказалъ:

— «Можетъ быть сегодня или завтра я умру; кто креститъ меня? есть ли здѣсь священникъ?»

«Я обѣщаль прислать къ нему священника, и, снявъ съ себя крестъ, далъ ему. Затѣмъ я извѣстилъ о. Стефана, который и крестилъ старика.

«Однажды, около полудня, когда я сидѣлъ въ своемъ домѣ, пришли туда два человѣка.

— «Эзэн-бэ (здоровъ ли)? сказали они.

— «Мэн эзэн (я здоровъ).

«Затѣмъ они сѣли.

«Нэ табыш бар (что новаго)? спросилъ я.

— «Табыш йок (новаго ничего нѣтъ), отвѣчали они. Одинъ закурилъ трубку, и далъ мнѣ. Я покурить нѣсколько и передалъ другому.

— «Ловится ли рыба? спросили они.

«Рыбы довольно. А вы куда идете, братцы?»

— «Мы шли только доселѣ. Мы голодны, нѣтъ ли у тебя хлѣба?»

«Есть; только сухой хлѣбъ невкусенъ. Пождите, я сварю вамъ рыбы.—А отсюда куда вы пойдете?»

— «На Чулышманъ.

«Что жъ вамъ такъ нужно на Чулышманъ? Вѣдь вы не собираете орѣхи?»

— «Въ несчастіи мы идемъ туда. Въ прошлую зиму у одного изъ насъ умеръ отецъ, у другаго жена. На Чулышманъ мы идемъ затѣмъ, что тамъ есть великій камъ Ніясъ; мы хотимъ позвать его, чтобъ онъ выгналъ черноту изъ нашего дома.

«Что вы называете чернотой дома?»

— «По вѣрѣ нашего народа въ домѣ тѣхъ людей, у которыхъ ктонибудь умеръ, остается чернота мертваго, которая приноситъ смерть оставшимся въ живыхъ. Въ народѣ тигрешъ нѣтъ такого сильнаго кама, который равнялся бы Ниясу, каму Толоскаго озера.

«Тогда я началъ имъ объяснять, что только Богъ одинъ можетъ омыть всякую нечистоту человѣка, прогнать отъ него злаго духа, что никакою камъ не можетъ этого сдѣлать.

— «Но наши камы, сказали они, могутъ прогонять злаго духа, призывать Пай Ульгения, господина земли и рѣкъ.

«Я началъ вразумлять ихъ, что Богъ ни земля, ни небо, ни солнце, ни высокія горы, ни море съ рѣками, что истинный Богъ не есть что нибудь тѣлесное, что Онъ есть Іисусъ Христосъ, сотворившій весь міръ и Адама, праотца всѣхъ людей. — Младшій изъ моихъ гостей сказалъ:

— «Разскажи мнѣ, какъ сотворенъ этотъ праотецъ всѣхъ людей — Адамъ; а я ночью половлю для тебя рыбы.

«Для меня было бы грѣхомъ не разсказать объ этомъ человѣку, который просить. Но будешь ли ты вѣрить моему разсказу? Много грѣшитъ тотъ, кто слушаетъ и не вѣритъ.

— «Если разсказываетъ человѣкъ, который знаетъ божественное Писаніе, то какъ же я не повѣрю?

«И онъ остался у меня; его товарищъ ушелъ почевать въ другой домъ, и на утро одинъ отправился на Чулышманъ. Иванъ — такъ назывался ночевавшій у меня — воротился домой, и привелъ ко мнѣ свою мать, брата и сестру, чтобъ и они послушали моихъ разсказовъ.

«На другой день Иванъ отправился на помочъ къ одному зайсану, и пригласилъ съ собой меня, потому что онъ боялся, чтобъ не стали его бить за намѣреніе перейти въ христіанство. Вечеромъ я пришелъ къ зайсану. Тамъ было человѣкъ до 40 народу. Среди юрты они развели огонь, и варили въ большомъ котлѣ большія части лошадей. Когда мясо сварилось, они начали ѣсть его. Ни у одного руки не были вымыты; по грязнымъ пальцамъ текъ жиръ, и они облизывали его вмѣстѣ съ грязью, сосали свои пальцы. Запивали это кушанье водкой. Чѣмъ больше наступала ночь, тѣмъ шумъ становился сильнѣе. Началось пѣніе. Половина народа вышла изъ юрты, и тамъ произошла драка; многіе потеряли свои косы на затылкѣ, и остались съ головами совсѣмъ голыми. Они были какъ дѣти, которые поссорились въ игрѣ. Послѣ драки они опять дружно пили водку. Въ одномъ углу юрты поднялся шумъ: хотѣли бить Ивана. Онъ закричалъ, призывая

меня. Я обратился къ зайсану, и мы вмѣстѣ заступились за Ивана. Слово зайсана тотчасъ успокоило шумливыхъ; нѣкоторые стали обнимать и цѣловать Ивана. Но Иванъ, при первой возможности, удалился въ мой домъ. Вскорѣ ушелъ домой и я. Черезъ нѣсколько времени пришли сюда 8 человѣкъ изъ бывшихъ на помочи, и сказали, что зайсанъ зоветъ Ивана къ себѣ; онъ-де хочетъ сдѣлать тебя *тимичи* на мѣсто твоего умершаго отца. Иванъ видѣлъ ихъ хитрость, и не шель. Тогда они вздумали отвести его силой. Но я позвалъ своихъ работниковъ, и они должны были удалиться. На другой день опять пришли къ Ивану люди отъ зайсана, мужчины и женщины. Они говорили Ивану: — «Ты человѣкъ нужный для народа; мы хотимъ сдѣлать тебя *тимичи* на мѣсто твоего отца. Зачѣмъ ты удаляешься отъ насъ? Если ты крестишься, то мы не будемъ болѣе твоими родственниками, потому что твое сердце будетъ чуждо намъ».

— «Развѣ я умру, что мое сердце будетъ чуждо вамъ? Хоть я и окрещусь, развѣ я забуду васъ, развѣ улечу, какъ птица, или убѣгу, какъ мараль? Что вы плачете обо мнѣ?»

«Нѣкоторые изъ женщинъ плакали, другіе проклинали Ивана. Иные говорили:

— «Братъ! Зачѣмъ ты задумалъ креститься? Развѣ тебѣ стало ѣсть нечего? Одежды развѣ нѣтъ у тебя? Или прогнѣвались на тебя твои родственники? Зачѣмъ ты отталкиваешь насъ отъ себя? Если у тебя чего не достанетъ, то не скрывай отъ насъ. Всѣ люди, которые здѣсь, твои родственники; смотря на нихъ, неужели ты не имѣешь никакого состраданія? Ахъ, братъ, оставь твои мысли.

«Мать и сестра Ивана также плакали. Но онъ сказалъ: призываю Бога во свидѣтели, вы не отклоните меня отъ моего намѣренія. Теперь же пошлите за священникомъ; пусть онъ придетъ и крестить меня».

Иванъ крестился; крестилась и мать его, и братъ и сестра его.

Такъ царство злобы употребляетъ всѣ средства, чтобъ удержатъ людей во мракѣ; оно вооружаетъ родственниковъ, вно-

ситъ раздѣленіе въ семейства, дѣлаеть врагами челоѡѡу домашнихъ его. Но свѣтъ во тьмѣ свѣтится, и тьма не объяла его. Просвѣщеніе Алтая идетъ быстро. Въ настоящее время если не всѣ еще обитатели его причислены къ стаду Христову, то нравы ихъ отъ вліянія евангельскаго ученія смягчились, и они уже не смотрять на крещеніе такъ враждебно.

Дика и величественна природа въ окрестностяхъ Телецкаго озера. Высота горъ здѣсь переходитъ за границу вѣчныхъ снѣговъ. Глазъ теряетъ здѣсь въ разнообразіи формъ; то онъ встрѣчаетъ голые, твердые утесы, лишенные всякой почти растительности, то густые темные лѣса кедра, лиственницы и другихъ разнообразныхъ хвойныхъ породъ. Къ самому озеру утесы спускаются отвѣсно, какъ стѣны, и горе путнику, котораго буря застанеть на волнахъ озера: онъ не найдетъ удобнаго мѣста пристать къ берегу, лодка его разобьется о скалы. Съ сѣвернаго конца озера вытекаетъ рѣка Бія, съ противоположнаго, южнаго оно принимаетъ Чулышманъ, который течетъ въ такихъ же скалистыхъ берегахъ, какіе окружають озеро. Жители при самомъ озерѣ, до устья Чулышмана, называютъ себя *толозы*; а дальше, вверхъ по Чулышману, къ предѣламъ Китая, *сойоны черные*, и еще дальше *сойоны белые*. По мѣрѣ удаленія къ югу увеличивается и дикость ихъ. Окружающая ихъ природа богата различными дарами. Въ озерѣ и впадающихъ въ нее рѣкахъ ловится множество рыбы: съ выгодой можно добывать выдру. Въ горахъ обиліе всякаго звѣря: мараль, лось, олень служатъ прекрасной пищей. Соболь, горностай, бѣлка, бурундукъ, медвѣдь служатъ своими мѣхами. Въ долинахъ, гдѣ только можно обрабатывать землю, бываетъ прекрасный урожай ячменя, пшеницы, ржи. Но жители не видять вокругъ себя образцовъ трудовой жизни, не имѣють понятія о самыхъ простыхъ хозяйственныхъ орудіяхъ, живутъ вдали отъ оживленныхъ сношеній людей. Понятія ихъ или дѣтски просты, или дикы. Нѣкоторые, какъ бѣлые сойоны, предпочитаютъ жить на чужой счетъ, и искусно промышляють воровствомъ. «Но», рассказывалъ Михаилъ Васильевичъ, «когда

я объяснял имъ ученіе Христово, даже тѣ, въ домахъ которыхъ находились камскіе бубны, и которые, слѣдственно, выгодно промышляли шаманствомъ, — они охотно меня слушали. Не было только людей, которые бы вполнѣ просвѣтили ихъ». Такъ было недавно. Теперь среди этихъ племенъ, на устьѣ Чулышмана, красуется тихая обитель—Благовѣщенскій монастырь; теперь миссіонеры пронесли слово Евангелія до китайскихъ пограничныхъ пикетовъ. Тамошніе жители все яснѣе и яснѣе сознають темноту, бѣдность, несостоятельность своихъ вѣрованій, все больше и больше теряють довѣріе къ своимъ камамъ, и ихъ страшнымъ бубнамъ, все сильнѣе и сильнѣе убѣждаются въ превосходствѣ и спасительности евангельскаго ученія. Близко уже то время, когда весь Алтай станетъ однимъ цвѣтущимъ виноградникомъ, насажденнымъ отъ истинной лозы Іисуса Христа.

Скромно и безкорыстно принялъ участіе въ апостольскихъ трудахъ миссіи Михаилъ Васильевичъ Чевалковъ. Онъ не говорилъ о себѣ, не трубилъ предъ всѣмъ свѣтомъ о своихъ подвигахъ, о своемъ самоотверженіи. Онъ не считалъ даже заслугой свои труды; онъ видѣлъ въ нихъ свою прямую обязанность служить духовному просвѣщенію братьевъ своихъ, дѣлать для нихъ все, что послужило бы для ихъ добра, для ихъ спасенія. Онъ всегда помнилъ, что истинный ученикъ и послѣдователь Христовъ познается по дѣламъ милости и любви къ братьямъ своимъ. Русскій народъ особенно долженъ цѣнить дѣятелей, подобныхъ Михаилу Васильевичу Чевалкову. Если мирное, колонизаторское занятіе отдаленнѣйшихъ странъ на востокѣ, распространяющее образованность и улучшение быта, составляетъ историческую заслугу русскаго народа; то покорить подъ иго Христово множество согражданъ, сидящихъ во тьмѣ и сѣни смертной, составляетъ для него первѣйшую нравственную обязанность.

Димитрій Граменицкій.

С. Петербургъ, 1869 г. сентября.

